

В. П. Живаева,

*Свердловская областная универсальная научная библиотека
им. В. Г. Белинского (Екатеринбург)*

Борис Рыжий: жизнь после смерти

«Не изменился ты с тех пор, как умер», — говорит Набоков отцу в одном из своих стихотворений. Но чаще бывает наоборот: люди очень меняются после смерти. Особенно часто это происходит с художниками, людьми, как правило, сложными, которые иногда только после смерти дают возможность присмотреться к себе без гнева, досады и раздражения. «Настоящая жизнь поэта начинается после его смерти», — говорит Юрий Казарин, поэт, который в последнее время много занимается творческим наследием другого поэта, Бориса Рыжего (1). К Рыжему, жизнь которого трагически оборвалась в мае 2001 г., все сказанное относится в полной мере. Нечасто фигура поэта настолько вырастает после смерти. Определение «истинный русский гений» (2, с. 177) даже не кажется слишком большой натяжкой. Хотя нельзя сказать, что Бориса Рыжего не замечали или замалчивали при жизни. Он печатался в толстых литературных журналах (регулярно — в столичном «Знамени»), успел увидеть первый сборник своих стихов «И все такое» (3), стать лауреатом премии «Антибукер», поучаствовать в международном поэтическом фестивале в Роттердаме (4) — и все это до 26 лет. Он знал себе цену и постоянно, пусть в ироническом ключе, примеривался к грядущей славе: не просто подвернувшийся прохожий / писатель, не прозаик, а хороший / поэт, и это важно, господа (5).

Его поэзию и его самого действительно любили при жизни, но, все-таки, количество и эмоциональный накал откликов на его смерть впечатляют и заставляют задуматься. Объем же посмертных публикаций (большие подборки во всех первых номерах «Знамени», начиная с 2002 г.), уже едва ли не перевешивает ту «стихотворную массу», которая была напечатана при жизни поэта. Это разные стихи, в том числе и очень хорошие, где-то подтверждающие, где-то расширяющие наше представление о поэзии Рыжего. Но преобладающим чувством остается горькое изумление — сколько он написал и каким действительно хорошим поэтом был.

Конечно, «смерть поэта» — извечный сюжет русской поэзии, и сам Борис Рыжий многократно к нему обращался. Стихи на смерть Бродского: Дивным светом иных светил / озаренный, гляжу во мрак. / Боже, как я тебя любил, / заучил твои строки как (6). Или «На смерть Р. Т.» (7, с. 54): Вышел месяц из тумана — / и на много лет / над могилою Романа, синий-синий свет.

Утрата — особенно если она так внезапна и трагична — неизбежно вызывает очень подлинные эмоции и возвращает поэзию к тому главному, что составляет ее суть — к любви и смерти. Тем более, если оплакивают поэта, который ни о чем другом просто не умел писать. Стихи памяти Бориса Рыжего очень эмоциональны, в них нет места расчету, здесь горюют и плачут открыто, не боясь показаться смешными. Александр Леонтьев: Пойду тогда напропалую, / К бессмертью, быть может, виритык, / И руки твои поцелую. / И вырву у смерти кадык (8). Ты бы не одобрил, что тобой / Всё живу. / Над твоей, как маленький, реву / Над судьбой (9, с. 87).

Многие пишут о «чувстве зияющей пустоты» (10, с. 233). Олег Дозморов: Как в дырке в космосе планета / без человека одного (11, с. 92).

Алексей Пурин: И уже ни черта / не поделатъ с горчащей / и пьянящей ночной / пустотой — предстоящей, / не сравнимой с виной (12).

Чувство мучительной вины — еще один обязательный элемент таких стихов, особенно написанных по свежему следу.

Но так вот не пью. И волною по телу / стыд. Стыд, что не спас, не прикрыл, не сумел / сказать, что был должен сказать. не казался приветливым, что ли, был бледен как мел, / когда ты победно и зло улыбался (13, с. 91).

Сольется, остаеся в сумме — / Благодарить и материть Тебя за то, что просто умер, / Себя — за то, что должен жить (14).

Но постепенно отступает боль, и всё отчетливее проступает если не желание примириться с этой смертью, то хотя бы попытка объяснить ее смысл. И робкая надежда, что измученная душа получила прощение и обрела мир среди любимых теней. А. Пурин: Там, где Батюшков нежный / и Давыдов лихой, / ты обрел безнадежный / вечнодышащий зыбкий покой? (15).

Василий Ковалев: Лети открыто в царство смысла, навстречу звездному лучу. / Не скажешь: Бог, прости Бориса, / но я, мне кажется шепчу (16).

Или более того: Ты был прав тем утром, храбрый мальчик! Только юность — подходящий срок / Для решительного, злого тебе,

/ За которым воля и покой. / Что ж, душа ведь этого хотела / И теперь
любуется гобой (17).

Стихи, посвященные Рыжему, становятся не просто данью памяти — друга, поэта, человека, — но и своеобразным приношением его поэтическому миру. Многие из этих эпитафий и созданы как бы в стилистике Рыжего, с использованием его образов и фирменных приемов, вплоть до прямого цитирования, как у Михаила Окуня: Бессонной вечности не бойся — / Ты небо исчерпал до дна. / Спи, ни о чем не беспокойся — / Есть лишь поэзия одна (18).

Общим местом стало, говоря о судьбе Рыжего, отмечать, что он как бы накликал себе такой конец. «Читая его стихи, видишь, что он был зачарован смертью», — говорит Лариса Миллер (19, с. 140). О гибельности в личном плане того мифа, который выстраивал Борис, размышляет Кейс Верхейл (20, с. 238–239). Наверное, у любого большого поэта можно найти строки, которые в трагической перспективе будут восприниматься как пророчество. Но у Рыжего это не просто отдельные строки. Смерть — это действительно либо «главная героиня», либо собеседница и неизменно фон всех его лучших (во всяком случае, самых пронзительных) стихотворений.

Во-первых, -вторых, -четвертых, / даже живых-то, черт их / знает,
что с ними, где они. / А что касается мертвых, / вовсе сведений мало.
/ Только спрошу устало: / Эля, ты стала облаком / или ты им не стала?
(21, с. 151).

Большинство самых интересных персонажей его густонаселенной поэзии — они либо ушли, либо уже заглянули смерти в глаза, либо, как сам лирический герой, живут на краю. Много раз он примеривается к неизбежному, перебирая его варианты — на чужом ли продавленном диване, у разрушенной арки, в кровавой драке. Жизнь — это постоянное и постепенное, с самого детства, привыкание к смерти. Вот нестерпимой мрачности стихотворение, в котором маленький сонный мальчик идет утром в школу (где, казалось бы, повод для драмы?): Всё, что я понял, я понял тогда: / нет никого, ничего, никогда. / Где бы я ни был — на черном ветру / в черном снегу упаду и умру (22).

С годами жизнь этого мальчика все больше напоминает тягостную привычку: Неужели жить? Как это странно — / за ночь жить так просто разучиться (23, с. 125).

А вот смерть приобретает черты дорогой подруги. Но чем смерть ближе, тем острее прелесть этой самой замызганной и постыдной жизни, тем чудеснее ее простые чудеса. И уже хочется как-то оттянуть расставание с ней, успеть очиститься, отмыться, оправдаться.

Надо дачу сначала купить, / чтобы лес и река / в сентябре начинали грустить / для меня дурака / чтоб легели кругом облака. / Я о чем? Да о том: / облака для меня дурака. / А еще, а потом, / чтобы лес золотой, голубой / блеск реки и небес. / Не прохладно проститься с собой / чтоб — в слезах, а не без (24, с. 74).

Стихи о смерти, с которыми хочется жить — вот парадоксальное очарование поэзии Бориса Рыжего. Парадоксален и образ поэта, складывающийся из стихов и воспоминаний. С одной стороны — плохой мальчик с Вторчермета, бывший боксер, имевший дружбы среди самой экзотической публики и не отделявший себя от нее («земная шваль — бандиты и поэты»). Как легко вписалась в его стихи блатная лексика, без которой немислим современный живой язык, с какой детской радостью и ловкостью он жонглирует всеми этими словечками; как колоритны и узнаваемы образы его мрачных приятелей, как неподдельна печаль

На купоросных голубых снегах, / закончившие ЦРМ на тройки, / они споткнулись с медью в черепах / как первые солдаты перестройки (25, с. 150).

С другой стороны, перед нами эстет, человек, тонко чувствующий, ранимый, живущий поэзией и весьма в ней искушенный (Л. Миллер), настоящий ценитель, чей круг поэтических привязанностей был на зависть широк — от Пушкина и Батюшкова, Набокова и Георгия Иванова до Слуцкого, Сопровского, Рейна. Поэт как бы есенинского склада, Есенина он как раз не любил, безусловно предпочитая Блока. Рыжий — настоящий петербургский поэт по духу, чьи стихи пронизаны неуловимыми мотивами, отзвуками, образами русской поэзии. Провинциал с малоинтересной специальностью горного инженера, он отличался редким вкусом к культуре — потому что жил в культуре и культурой. «Я пройду, как по Дублину Джойс» (26, с. 153), — пишет он, а К. Верхейл уточняет, что Рыжий перестал горевать из-за своей провинциальной оторванности, прочитав «Дублинцев». «Борис Рыжий превратил Свердловск, Вторчермет в место, которое способно

существовать в мировой литературе, которое понятно всем читателям с сердцем и глазами» (27, с. 240).

Олег Дозморов, частый адресат стихов Рыжего, в том числе дружеских его посланий в стиле пушкинской эпохи, «герой его поэм», пишет: Ты дал мне тему. Что мне делать с ней, / такой нелепой и такой моей? / За радость громкую — писать и жить / Могу ли я тебя благодарить? / Я продолжатель и учитель я, / и сам себе приятель и друзья. / Я сам себе и друг и господин, / пожизненно, единственно один (28, с. 94).

За этими вопросами, этим недоумением встает и главный вопрос — о судьбе поэзии Бориса Рыжего. Останется ли он чисто поколенческой легендой, частным мифом тех, кому немного за 30? Какая ниша ему уготована? Любимый поэт двух городов? Или несбывшаяся мечта русской поэзии? Елена Тиновская: Он бросил нас, и Нобелевских премий нам не видать, как собственных ушей... лет сто. / А он бы лет через пятнадцать мог получить, да, видно, не судьба (29, с. 4).

Задержится ли он и в каком качестве в истории русской поэзии? Это покажет только время. Возможно, Рыжий-поэт так и останется в ушедших 90-х, а если «воскреснет», так лишь вместе с ностальгией по той эпохе свободы и отчаяния. Но он писал стихи, красота которых не может так легко выветриться. Он писал стихи, которые взывают к человеческой душе, пробуждая в ней беззащитного ребенка, стихи, которые нуждаются в читателе, собеседнике, друге. Поэзия, если она хочет, чтобы ее читали, должна хотеть, чтобы ее любили. Ей должно всегда не хватать любви... Борису Рыжему по-человечески, наверное, очень любви не хватало, но это пошло на пользу его поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Венок Борису Рыжему // Урал. — 2002. — № 5. — С. 3.
- 2 Гундарин М. Борис Рыжий: домой с небес: Заметки об одной гибели / Михаил Гундарин // Знамя. — 2003. — № 4. — С. 177–182.
- 3 Рыжий Б. И все такое: Сб. стихов / Борис Рыжий. — СПб.: Пушкинский фонд, 2000.
4. Рыжий, Б. «... не может быть и речи о памятнике в полный рост...»: Роттердамский дневник / Борис Рыжий // Знамя. — 2003. — № 4. — С. 120–141.
- 5 Рыжий, Б. «Когда в подъездах закрывают двери...» / Борис Рыжий // Звезда. — 2001. — № 7. — С. 158–162..
- 6 Рыжий, Б. На смерть поэта / Борис Рыжий // Звезда. — 2002. — № 5. — С. 159.

7. Рыжий, Б. Рубашка в клеточку: Стихи / Борис Рыжий // Знамя — 2001 — № 6 — С. 52–54
8. Леонтьев, А. «Киношным исчадием ада..» / Александр Леонтьев // Звезда — 2002 — № 8. — С. 77.
9. Леонтьев, А. Начальнику хора: Стихи / Александр Леонтьев // Знамя. — 2003. — № 7. — С. 84–89.
10. Пурин, А. Памяти Бориса Рыжого / Алексей Пурин // Звезда — 2001 — № 7. — С. 233–237.
11. Дозморов, О. Отблеск: Стихи / Олег Дозморов // Знамя — 2003 — № 5 — С. 91–95 — Из содерж.: «Ни обещанья, ни ответа »
12. Пурин, А. На смерть Б. Р. / Алексей Пурин // Звезда. — 2002. — № 5 — VII. — С. 95
13. Дозморов, О. Отблеск: Стихи / Олег Дозморов // Знамя. — 2003 — № 5 — С. 91–95. — Из содерж.: «Малины и сосны, немного рябин, »
14. Вдовин, А. «Не Байрон — просто перекресток..» / Алексей Вдовин // Урал — 2002. — № 5. — С. 4.
15. Пурин, А. На смерть Б. Р. / Алексей Пурин // Звезда. — 2002. — № 5. — VIII. — С. 95
16. Ковалев, В. «Минорно-траурная нота...» / Василий Ковалев // Звезда — 2002. — № 4. — С. 117.
17. Ушакова, Е. «Пыльный подоконник паутина, ..» / Елена Ушакова // Урал. — 2002. — № 5. — С. 22.
18. Окунь, М. На смерть Бориса Рыжого / Михаил Окунь // Звезда. — 2002. — № 3. — С. 103.
19. Рыжий, Б. Переписка: 12.03.2001—30.04.2001 / Борис Рыжий, Лариса Миллер // Урал. — 2003. — № 6. С. 140–152.
20. Верхейл, К. «Русский язык — самый трудный» / Кейс Верхейл // Урал — 2003. — № 2. — С. 234–240
21. Рыжий, Б. From Sverdlovsk with love / Борис Рыжий // Знамя — 1999 — № 4 — С. 73–75 — Из содерж.: «Во-первых, -вторых, -четвертых, »
22. Рыжий, Б. «Маленький, сонный, по черному льду. » / Борис Рыжий // Урал. — 2001 — № 8. — С. 8
23. Рыжий, Б. «Когда бы душа могла простить себя...» / Борис Рыжий / Знамя — 2004 — № 1. — С. 123–140 — Из содерж.: Пробуждение
24. Рыжий, Б. Горнист / Борис Рыжий // Знамя — 2000 — № 9 — С. 73–75 — Из содерж.: «С антресолей досгану “IT”»,..
25. Рыжий, Б. From Sverdlovsk with love / Борис Рыжий // Знамя — 1999 — № 4 — С. 150–153 — Из содерж.: «Приобретут всеевропейский лоск. »
26. Рыжий, Б. From Sverdlovsk with love / Борис Рыжий // Знамя. — 1999 — № 4 — С. 73–75 — Из содерж.: «Я пройду, как по Дублину Джойс »
27. Верхейл, К. «Русский язык — самый грудный» / Кейс Верхейл // Урал 2003. — № 2 — С. 234–240
28. Дозморов, О. Отблеск. Стихи / Олег Дозморов // Знамя — 2003 — № 5 — С. 91–95 — Из содерж.: «Ты дал мне тему Что мне делать с ней »
29. Тиновская, Е. Малинник Стихи / Елена Тиновская // Знамя — 2003 — № 8 — С. 3–5 — Из содерж.: «И, помогая грузчикам-гаджикам »